

Мусин В.А.
ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
АРБИТР МКАС ПРИ ТПП РФ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА ПРИ СПБ ТПП

**О НЕКОТОРЫХ ОСНОВАНИЯХ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА
МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ**

В соответствии с п.1 ст.79 Конвенции «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 года (далее – «Конвенция») «сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий». Аналогичным образом основания освобождения от ответственности за неисполнение договорного обязательства определяются в Принципах международных коммерческих договоров (ст.7.1.7., п.1) и в Принципах европейского договорного права (ст.85 : 108, п.1).

В приведенной формулировке содержится такой признак обстоятельства, воспрепятствовавшего исполнению договора, как непредотвратимость, но нет указания на его чрезвычайный характер, в связи с чем оценка данной нормы Конвенции в сравнении с российским гражданским законодательством (ч.3 ст.301 ГК РФ) позволяет говорить об освобождении от ответственности при наличии не только непреодолимой силы, но и случая, который отличается от форс-мажора именно отсутствием чрезвычайности.

Вместе с тем возможна и иная интерпретация этой нормы, касающейся «сферы, охватываемой в странах общего права (common law) доктринами тщетности (frustration) и невозможности (impossibility) исполнения, а в странах континентальной системы – такими доктринами, как форс-мажор, Unmöglichkeit и т.п., однако она не является идентичной какой-либо из этих доктрин (Принципы международных коммерческих договоров, М., 1996, с.195-196).

Оставляя сейчас в стороне вопрос о том, распространяется ли цитированное правило только на непреодолимую силу или охватывает также и обычный казус (тем более, что форс-мажор подпадает под его действие в обеих ситуациях), остановимся на его истолковании в юрисдикционной практике.

Обстоятельства, традиционно относимые к разновидностям непреодолимой силы, могут быть как естественного, так и социального происхождения. В числе последних специального внимания заслуживает неисполнение договора в результате поведения лиц, не являющихся его контрагентами.

Иногда сторона договора, не исполнившая обязанность надлежащим образом, рассматривает в качестве препятствия вне ее контроля неисправность третьего лица (например, изготовителя продукции), привлеченного ею к исполнению принятого на себя обязательства.

В одном из дел, рассмотренных третейским судом при Санкт-Петербургской торгово-промышленной палате, российский продавец (не являющийся изготовителем товара) возражал против возложения на него предусмотренных договором санкций за просрочку поставки товара американскому покупателю на том основании, что просрочка оказалась следствием грубого нарушения своих обязательств производителем товара, чего продавец не мог предусмотреть при заключении контракта с покупателем.

Третейский суд отклонил этот довод продавца, указав в решении, что неисполнение третьим лицом обязательств перед ответчиком не может считаться основанием для освобождения ответчика от ответственности за просрочку поставки товара.

Согласно п.2.ст.79 Конвенции «если неисполнение стороной своего обязательства вызвано неисполнением третьим лицом, привлеченным ею для исполнения всего или части договора, эта сторона освобождается от ответственности только в том случае, если:

а) она освобождается от ответственности на основании предыдущего пункта; и

б) привлеченное ею лицо также было бы освобождено от ответственности, если бы положения указанного пункта были применены в отношении этого лица».

Таков же смысл изложенной в более лаконичной редакции нормы ст.403 ГК РФ: «должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено исполнение, если законом не установлено, что ответственность несет являющееся непосредственным исполнителем третье лицо».

В решении отмечалось, что о применении нормы п.1. ст.79 Конвенции можно было бы говорить в случае, если бы препятствием для исполнения ответчиком своих договорных обязанностей перед получателем послужили распоряжения третьего лица, обладающего властно-распорядительными функциями в отношении ответчика, чего в рассматриваемой ситуации не было (см.: Н.В.Немчинов. Практика третейского суда при СПБ ТПП. Обзор по отдельным делам с участием иностранных лиц. «Третейский суд», 2005, № 144-148).

Следует, однако, подчеркнуть, что вопрос о возможности квалифицировать вмешательство органа публичной власти в качестве фактора непреодолимой силы (в ее социальном проявлении), воспрепятствовавшего стороне внешнеторгового договора в исполнении своих обязанностей, должен разрешаться в учетом обстоятельств, повлекших упомянутое вмешательство.

Рассмотрим под этим углом зрения отказ компетентных властей в выдаче продавцу (или приостановление действия) экспортной лицензии. Здесь все зависит от того, чем обусловлен соответствующий запрет.

Если в выдаче экспортной лицензии на определенные продовольственные товары отказано (или ее действие приостановлено) ввиду длительной засухи и последующего неурожая, вынудивших компетентные власти снять часть продовольственных товаров с экспорта и направить их на внутренний рынок, признание таких действий властей в качестве непреодолимой силы для организаций, экспортные лицензии которым не были выданы (или были приостановлены) не вызывает сомнений.

Если, с другой стороны, основанием для отказа в выдаче (или приостановления действия) экспортной лицензии оказалось нарушение экспортером таможенных, валютных или иных правил, относящихся к внешнеэкономической деятельности, то упомянутые запретительные меры обусловлены виновным поведением самого экспортера, и о форс-мажоре в подобных случаях говорить не приходится.

Иначе обстоит дело при отказе властей в выдаче импортной лицензии. Затронув этот вопрос в ходе рассмотрения одного из дел, Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации обратил внимание на то, что, в отличие от экспортной лицензии, отсутствие которой исключает возможность вывоза товаров с таможенной территории Российской Федерации, отсутствие импортной лицензии само по себе не препятствует ввозу товаров на таможенную территорию нашей страны, в связи с чем отказ в выдаче импортной лицензии не может рассматриваться как разновидность форс-мажора.

Сделанный вывод представляется правильным, поскольку такие товары могут быть помещены в таможенный склад (ст.215 Таможенного кодекса РФ), где они будут храниться в течение длительного времени (до трех лет – см. п.1 ст.218 ТК РФ), достаточно для того, чтобы оформить для товаров таможенный режим выпуска для внутреннего потребления (ст.163 ТК РФ), или, например, вывезти товары с таможенной территории Российской Федерации в таможенном режиме реэкспорта (ст.239 ТК РФ).

Приведенные примеры показывают, что юрисдикционная практика содействует установлению содержания и условий применения норм Конвенции 1980 года.